

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕСТАНДАРТНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Наиболее известное определение грамматических окказионализмов сформулировал Э. Ханпира: «грамматический окказионализм – это отсутствующее в языке и мало запотенцированное его системой соединение какой-либо морфологической категории со словами или словоформой, а также отсутствующее в языке соединение определённых словоизменительных аффиксов с определёнными основами»¹. Однако при описании нестандартных грамматических форм имен существительных: плюралей, падежных форм и форм рода – складывается ощущение недостаточности данного определения.

К числу грамматических новообразований в первую очередь обычно относят восполняющие неполную парадигму формы множественного числа существительных сингуляриа тантум², т.е. окказиональные п л ю р а л и . И это не случайно: они вполне соответствуют приведённому выше определению – отсутствие в языке соединения аффиксов мн.ч. с основами существительных сингуляриа тантум, бросается в глаза, например:

*Глупости, что хорошо этими **любвями** заниматься, у кого есть приспешники да доспешники, а как я одна, и постоянно отягощаюсь и постоянно веду жизнь прекратительную, так мне это совсем даже и не на уме и некстати* (Н. Лесков); *любвями* – окказиональная форма мн. ч. существительного *любовь*; *Как бы внутри гранита зернится скорбь в гнезде былых **веселий*** (О. Мандельштам); *Из под моего «бойкого» пера выливались или длинноты, или кислоты, или **тошноты*** (А. Чехов): *тошноты* – окказиональная форма мн.ч. существительного *тошнота*.

В том, что приведённые примеры относятся к числу окказиональных плюралей, сомнений нет, но вот в том, что плюрали – это грамматические окказионализмы, сомневаться есть все основания.

Действительно, в системе языка отвлечённые, вещественные, несклоняемые существительные и даже некоторые существительные с предметным значением не имеют форм мн.ч.: *смех, любовь, деление, ил, железо, эхо, лоно* и др. Вместе с тем возможен переход из отвлечённых или вещественных существительных в

¹ Ханпира Э. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М., 1972

² Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте // Структурно-семантический анализ: Учебное пособие. Калининград, 1997.

конкретные. В таких случаях существительное обозначает уже не процесс и не состояние, а конкретные разновидности, проявления этого процесса и получает возможность образовывать формы мн.ч.: *радость – радости, удача – удачи, расстройство – расстройства, стрижка – стрижки* и т.д.

Так что, если мы видим в тексте, к примеру, отвлечённое существительное сингуляриа тантум в необычной, нехарактерной для узуса форме множественного числа, мы воспринимаем эту форму как сигнал того, что слово употреблено не в отвлечённом, а в конкретном значении. Например: *К великой цели двигались народы. Век философии расцвел, отцвел; Он разум обострил, скрыл глубины зол И людям вспыхнул маяком свободы* (В. Брюсов). Существительное *зло* не имеет форм множественного числа, но в стихотворении В. Брюсова окказиональный плюраль *злы* органичен, т.к. является номинацией не отвлеченного понятия, а конкретных его проявлений: общественных пороков, изъянов.

Таким образом, плюрали, хоть и представляют собой нестандартные образования, характеризуются спецификой лексического значения (обозначают конкретные проявления, разновидности чего-либо). Из этого наблюдения следуют, на наш взгляд, два вывода: 1) плюраль является не грамматическим окказионализмом, а грамматической формой **семантического** новообразования; 2) приведённое выше определение грамматических окказионализмов нуждается в уточнении: отступление от грамматических стандартов следует считать идентифицирующим признаком грамматического окказионализма только при сохранении тождества лексического значения.

Вариативные падежные формы существительных расширяют парадигму, дублируя отдельные узуальные формы. Представляя собой нестандартное, невозможное в узусе сочетание словоизменяемых падежных аффиксов и основ имён существительных, они тождественны по значению узуальной лексеме, а потому могут быть отнесены к **грамматическим окказионализмам**. Приведём примеры:

Эх, железная дорога. Эх, стальная магистраль. Электрические боги Обещали пастораль. Эх, квадратные колеса. Ох, кудрявые столбы! Кровоточащие десна Обеззубленной души (Ю. Шевчук) – вариативная речевая форма И.п. мн.ч. *десна* при узуальной *дёсны*. При образовании нестандартной вариативной формы *дёсна* лексическое значение не меняется, лишь нарушаются установки **грамматической** системы: вариативные формы И.п. с окончаниями *-ы, -а* в языке возможны, но только у слов мужского 2 склонения, например: *слесари – слесаря, инженеры – инженера, учителя – учителя*. Формы женского рода 1 склонения имеют вариативные окончания только в Т.п. (*рукой – рукою*), но не в И.п.

Всем ведь известно, какое лицо на бале бриллиантовое колью сфендрил; Гляди, - говорю, - бабочка, не кусать бы тебе локтя (Н. Лесков) – вариативные

речевые формы В.п. *колю, локтя* при узуальных – *колье, локти*. *Николай Иванович, могутный чернобровец, могучие плеча* (А. Кручёных) – вариативная форма И.п. мн.ч. *плеча* при узуальной – *плечи*. Существительные среднего рода *колье* и *плечо* относятся ко 2 скл., а в этой парадигме вариативные окончания вообще не представлены. Существительное *локоть* мужского рода 2 склонения, вариативные окончания именительного и винительного падежа для них – обычное дело (ср.: *годы – года, тексты – текста*). Отсутствие изменений лексического значения, нарушение требований системы формообразования при нестандартном внешнем облике обнаруживаются без затруднений.

К группе вариативных падежных форм можно отнести также речевые новообразования, отличающиеся от узуального аналога разновидностью (твёрдая – мягкая) склонения, типа *скалапендря* при узуальном *скалапендра*, ср.: *Оська однажды спросил даже нищего золотаря, помойных дел мастера Левонтия Абрамкина: А правда говорят, что на вас киша-кишмят... нет кишмят, ну то есть лазают скарлатинки? - Ну, обиделся Левонтий. Это на мне просто так, обыкновенные воши. А скарлатины – такой животной и нет вовсе ... Скалапендря есть, так то засекомая вроде змеи* (Л. Кассиль). Тождество лексического значения, нарушение требований грамматической системы при деформации внешнего облика наблюдается и в этом случае. Разница лишь в том, что создаётся не одна вариативная форма, а вариативная парадигма в целом.

Подобные деформации активно используются при стилизации просторечия. Подчёркнём сразу, что чёткую границу между просторечным словом и окказионализмом, стилизованным под просторечие, провести трудно, почти невозможно¹.

Во-первых, просторечие находится за пределами нормы и практически не отражено в словарях. Во-вторых, писатели могут использовать существующие просторечные слова и выражения, но в то же время обладают достаточно тонким языковым чутьём, чтобы при необходимости создать окказиональное слово, имитирующее просторечное. В свете сказанного будем считать, что употреблённые в тексте формальные аномалии с признаками просторечия, не имеющие широкого распространения, не отражённые в словаре В. Даля, в диалектных словарях, являются не просторечными словами в собственном смысле слова, а новообразованиями, стилизованными под просторечие. Возможное совпадение такого окказионализма с просторечным словом, является случайным, поскольку художник слова,

---

¹ Словообразование у Солженицына тесно связано с просторечием и диалектным словообразованием; как правило, трудно утверждать, что слова типа образованщина, недокурок, безжирная (каша) придуманы им, а не взяты готовыми в духе его идеи «Русского словаря языкового расширения 1990), из словаря В. Даля или у других авторов (по мнению Солженицына расширение словаря возможно за счёт забытых или полузабытых слов из истории или диалектов русского языка). Григорьев В.П. Словообразование // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 509.

черпающий вдохновение из народной среды, едва ли знаком со всем списком просторечных слов и выражений, да и вряд ли такой вообще существует.

Ф о р м ы р о д а сущестительных. Категория рода существительных является категорией несловоизменяемой. Разные родовые характеристики обычно свидетельствуют о разных лексемах, связанных (*раб – раба, кум – кума*) или не связанных отношениями словопроизводства (*карьер* ‘место открытой разработки полезных ископаемых’ – *карьера* ‘продвижение по службе’, *пролаз* ‘тесный проход’ – *пролаза* ‘пройдоха’), но различающихся лексическим значением.

В системе речевых новообразований разные родовые характеристики также обычно свидетельствуют о разных лексемах, что, без всяких сомнений, снимает вопрос о грамматических новообразованиях, которые по определению не могут отличаться лексическим значением от прочих форм в парадигме. Возможны два вида таких родовых новаций.

В первую очередь отметим существование новообразований, представляющих собой соединение родовых аффиксов с определёнными основами и находящихся в отношениях словопроизводства с узуальным словом.

Например: «*Пришла какая-то **фифа**. А с ней молодой **фиф***». Существительное мужского рода *фиф* у А. Приставкина образовано от существительного *фифа* способом обратной суффиксации.¹ Лексическое значение речевого новообразования отличается от значения узуального производящего, а несуществующее в языке «соединение определённых словоизменяемых аффиксов с определёнными основами», по сути своей является представителем новой парадигмы. Следовательно, в этом случае речь может идти только о **лексическом** окказионализме.

Существительное *яблонь* (*Запрягай ж, жизнь, сестра моя, в бричку **яблонь** серую*. И. Бродский) употреблено в тексте в форме, отличающейся от узуального аналога не только иным типом склонения (*яблоня – яблонь*), но и иным значением: дериват метафорически представляет жизненный процесс как поездку на серой в яблоках лошади. С этих позиций существительное *яблонь* представляет собой дериват, образованный от существительного *яблоко* при помощи форманта *–нь*: *яблонь0 – яблоко* - и выражающий СЗ субъекта по объекту (при узуальном *яблоня – яблоко* СЗ объекта), а значит, новую лексему - **лексический окказионализм**.

Второй вариант неизвестного языка соединения родовых аффиксов с определёнными основами сохраняет отношения словопроизводства с узуальной параллелью только в диахронии, в синхронном смысле говорить о них неуместно.

¹ Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопр. языкозн. 1984. № 1. С. 47.

Это происходит, например, в тех случаях, когда новообразования называют вымышленных существ, не имеющих аналогов в реальном мире. Например, если *фиф* – это *фифа* мужского пола, то *кукух*, *лисиц*, *куриц*, *человека*, как их описывает А. Левин, – совсем даже не кукушка – он, не лисица – он, не курица – он и не человек женского пола, но кто-то иной, ср.:

Как тяжёлая икота с верным венником в руках вылезает из болота накрахмаленный кукух. Он когтями воду роет, он зубами землю рвёт, под крылами воздух воет, в голове струится свет!

На пеньке сидела лисиц, толстовата-маловата, напряжённо размышляя над проблемой похудеть. «Вот, к примеру, - размышляла, - пролетает пегий куриц. Но куда он пролетает, если - как его поймать?!»

Кругом тишина непролазная, природа угрюмая спит. А тут человека образная улыбкой во тьме шелестит. Глаза её синие-синие, а в сердце её тишина, она молодая и сильная, такая, какая нужна. «Привет, человека образная! Свой путь совершая земной, гордись своей шерстью атласною и ласковых глаз глубизной, и всем, что растёт или ползает, что перемещается вплавь, - владей, человека, и пользуйся, и мудрость Господнюю славь!»

Неясное лексическое значение и отсутствие деривационных отношений между новообразованиями и узуальными паронимами заставляют предполагать появление новой корневой морфемы, а значит, и присутствие **морфемного** новообразования.

Морфемные новообразования, паронимичные узуальному слову, называют не только вымышленных существ, не имеющих аналогов в реальном мире, но и вымышленные предметы, ср.: *Муж лежал на солнцепёке, Кушал жареные штуки, испеченные женой в позапрошлый выходной. <...> Эта добрая жена, как родная старшина, мужу **штуков** и люляков испекала до хрена* (А. Левин) – окончание *-ов* в новообразовании **штуков** свидетельствует об изменении рода существительного *штука* с женского на мужской, ср.: у существительных женского рода первого склонения типа *книга*; окончание Р.п. мн. ч. нулевое (*книг*), окончание мн.ч. *-ов* появляется у слов м.р. 2 склонения: *стол – столов*. Отсюда и напрашивается вывод о роде новообразования *штуков*. Но род не единственное отличие слов *штука* и *штук*, поскольку из контекста мы узнаем: *штук* – это какая-то странная выпечка, которую и пекут, и жарят (*жареные штуки, испеченные женой*). Неясное лексическое значение (мы не знаем что такое *штуки*, как не знаем, что есть *люляки*) заставляет предположить появление новой корневой морфемы, а значит, и морфемного инновационного новообразования.

Значение морфемного новообразования, называющего вымышленную реалию, подсказывается контекстом далеко не всегда, например: *Дерево дубельт – хорошее дерево для буратины, и на ведра хорошо, и бочки из него знатные* (Т. Толстая). Созвучное существительному Буратино, новообразование Т. Толстой, в отличие от узуального аналога, склоняется и принадлежит женскому, а не мужскому роду, но о значении его можно лишь догадываться. Значит, и в этом случае речь идёт о новой корневой морфеме и о морфемном новообразовании.

Итак, если при нехарактерном для узуса сочетании несловоизменительного грамматического аффикса и основы возникает новое лексическое значение, то даже при диахронных словообразовательных отношениях с узуальным словом можно говорить о формировании новой корневой окказиональной морфемы и, стало быть, **морфемных окказионализмах**.

Разные родовые характеристики в системе существительных всегда свидетельствуют о разных лексемах. Возможны, например, стилистические колебания рода, не затрагивающие лексического значения, но приводящие к появлению не одной вариативной формы, а вариативной парадигмы в целом, например: узуальные *клипс* (литературное) – *клипса*, *банкнот* – *банкнота* (устар.), *вольер* – *вольера*, *клипс* – *клипса*, *зал* – *зала*.

Подобные примеры вариантов форм рода есть и в системе новообразований, ср.: *А скарлатины – такой животной и нет вовсе ... Скалапендря есть, так то засекомая вроде змеи* (Л. Кассиль); *Потом там дальше вдоль стены – еще стуло. Раньше на нем матушка сидела, а теперь никто не сидит, а Бенедикт на него другой раз зипун вешает али одежду бросает* (Т. Толстая); *В доме у него роскошь такой: зеркала, ланпы, золото, везде ковры* (мена рода затронет и парадигму, ср. *конь – коня, моль – моли*); *Ланпад горит перед образами таково тихо, сияние от икон на неё (Леканиду) идёт, и вижу, что она вдруг губами всё шевелит*. (Н. Лесков.); *Скажи, что хитростев всяких настало?* (Н. Лесков).

Вновь созданные грамматические формы не расширяют парадигму узуальных существительных *животное, стул, лампада, роскошь, хитрость* и не восполняют её, а открывают новую вариативную парадигму: *животное* – *животная*, *ланпад* – *лампада*, *стуло* – *стул* (ср.: *вольер* – *вольера*), *роскошь* (3.скл. ж.р.) – *роскошь* (2.скл. м.р.), *хитрость* (2.скл. м.р.) – *хитрость* (3.скл. ж.р.). При этом новообразования представляют собой отсутствующие в языке соединения грамматического аффикса с основой, противоречащие нормам узуального формообразования и тождественные по значению узуальному аналогам.

Эти особенности уверенно сближают представленные новообразования с **грамматическими окказионализмами**. По сути, они представляют собой грамматические окказионализмы, стилизованные под просторечие посредством изменения рода существительных.

В силу сказанного внесём изменения в перечень признаков грамматических новообразований. Грамматическое новообразование – это: 1) отсутствующее в языке соединение определённых грамматических аффиксов с определёнными основами, 2) тождественное по лексическому значению другим формам из парадигмы узуальной лексемы, 3) восполняющее неполную парадигму, расширяющее полную парадигму вариативными формами или создающее вариативную парадигму.

Следует иметь в виду, что отсутствие изменения в лексическом значении по сравнению с узуальной лексемой – главный признак грамматического новообразования. Если значения новообразования и узуального аналога различаются, то о грамматическом окказионализме говорить не приходится. Ср.: узуальные варианты *фильм* и *фильма*. Слово женского рода *фильма* употреблялось в первые годы появления кинематографа, затем оно изменило грамматический род на мужской (*фильм*). В языке последних лет форму женского рода можно считать восстановленной: так называют самые ранние киноленты, особенно немые. Поскольку слова *фильм* и *фильма* разошлись по значению, они стали разными лексемами.

Как видим, среди нестандартных грамматических форм имён существительных есть не только собственно грамматические окказионализмы, но также лексические, семантические и морфемные.

С.И. Меньшикова

ВЕРБАЛЬНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ученые установили, что в природе вещей заложен некоторый универсальный принцип усиления, позволяющий в определенных ситуациях превратить относительно небольшие силы в значительные. Функцию усиления имплицитно содержит в себе художественный текст, который строится из фрагментов действительности, и каждый предыдущий фрагмент усиливает действие последующего в сознании читателя. Как правило, усилению подвергаются такие феномены человеческого бытия, как смерть, любовь, страдание, красота, счастье, успех, т.е. явления, которые вызывают у человека определенные чувства и эмоции. Человек как субъект, познающий и изменяющий мир, не только воздействует на других людей, но и сам испытывает воздействие окружающего мира, переживая то, что с ним происходит. Эти переживания составляют сферу чувств или эмоций, которые выражают состояние личности и показывают ее отношение к миру.